

Ефрейтор Петр Конищев

**Учитель, перед именем твоим
позволь смиренно поклониться колени.**

Всякий раз, когда прихожу в свой сад, невольно вспоминаю друга детства Петра Конищева. И вот снова наступило бабье лето, погода выдалась отличная. И в разгаре лета такая бывала редко. Но природа берет свое: опала листва с тополя на защитной полосе, яблони и груши тоже начали готовиться к зиме. Стоит молчаливая и прекрасная золотая осень, воспеваемая многими поэтами разных времен и народов.

Год для садоводов выдался неудачным. Особенно в низинах — ни яблок, ни груш. Много деревьев и вишен померзло. Но Петр Иванович шутит:

— Выживем, Ефремыч!

И я поддерживаю в тон товарища:

— Постарайся! Пусть деревья отдохнут. Зато в прошлом году урожай был превосходным. Особенно на яблонях, которые ты привил. И все это с твоей легкой руки. Прививка была очень удачной. Из пятнадцати деревьев двенадцать привились. И вся семья моя была удивлена таким исходом.

Дело в том, что восемь яблонь, посаженных вместо устаревшего сорта, оказались все «Янтарными». В общем, большое спасибо другу детства.

Дальнейший разговор с Петром Ивановичем Конищевым состоялся в его уютной квартире. И был он о минувшей войне. Мы воевали на разных фронтах, да и уходили из Магнитки в разное время. Я — за 18 дней до начала войны, а Петр — в ноябре 1941 года. Вспомнили свою молодость, знакомых... Нам уже перевалило на восьмой десяток. Детство и юность прошли на центральном спецпоселке, учились в одной школе.

Посматривая на задумавшегося друга, я обратил внимание на портрет в черной рамке. Его супруга — Лидия Яковлевна...

Это была семейная трагедия. Петр лежал в

комбинатской больнице на Набережной после операции. Посетив мужа в больнице, Лидия Яковлевна, вероятно, сильно расстроилась и, переступив порог дома, скорострительно скончалась. Случилось это 6 февраля сего года. Петра привезли из больницы ко гробу своей любимой жены, с которой они прожили 47 лет.

Вряд ли можно описать чувства моего друга. На похоронах было много народа: близкие, сослуживцы, бывшие ученики, которым она дала путевку в жизнь. В грозном для страны 1941 году она закончила педагогический институт. Как вспоминает ее подруга по начальной и средней школе Лидия Ивановна Тарамакина, она была круглой отличницей и входила в число лучших выпускниц института, была добрейшим и внимательным человеком. Память запечатлела ее особенное качество — интеллигентность. А еще была глубокая любовь к русскому языку, литературе и большое желание приобщить всех окружающих к этой высокой любви, к истории своего народа. Звание заслуженного учителя России — за ее полувековой труд на благородном поприще. Ко всему, она была прекрасной женщиной-матерью.

Шла Великая Отечественная война, враг рвался к Москве. 19 ноября 1941 года Петр

был призван в ряды Красной Армии. Подготовку проходили в известных по тому времени чебаркульских лагерях недалеко от Челябинска. Прошел курс обучения минометному делу. По окончании курсов ефрейтор Петр Конищев направляется со своими сверстниками на фронт. В апреле их часть прибыла на передовую позицию, которая проходила в шести километрах от города Медвежьегорска недалеко от деревни «Великий Двор» (Карельский фронт).

Петр хорошо освоил 72-миллиметровый миномет. Наловчился выпускать до десятка мин в короткий промежуток времени — пока первая из них не взорвется на стороне противника. В этом, конечно, и заслуга всего подразделения, состоявшего из 7-8 солдат. Обычно выпускали по 6-7 мин. Поэтому-то его минометный расчет направляли на самые сложные участки фронта. Тогда такое неписаное правило повсеместно существовало и на гражданке: кто больше «тянет» — на того и больше нагружают. А справился — тебе и благодарности от командования...

На войне — как на войне. Смерти, ранения, контузии... Но порой дело доходило только до санитаров. Перевязали — и слава Богу! Обойдешься и без госпиталя.

Но бои становились все более жестокими. Враг концентрировал большое количество техники и авиации. И вот 19 марта 1943 года противник обрушил такой ураганный огонь артиллерии и авиации, что, казалось, земля перевернулась. Благо, каким-то образом спасали лес и глубокий снег — враг неточно знал расположение наших позиций. И все же в первый день противнику удалось отсечь находящийся впереди нашей основной обороны пехотный взвод, усиленный разведкой — где-то до полусотни человек. Страшная перестрелка продолжалась в течение трех суток. Стволы минометов накалялись до предела, несмотря на тридцатиградус-

ный мороз. Наши бойцы несли большие потери. Был убит командир минометной роты. Казалось бы, вот-вот сдадут нервы. Но бой продолжался. После трех суток противник начал сдавать, вероятно экономил боеприпасы. А у нас, наоборот, стала прибывать техника, включая «Катюши» и живую силу.

И вот «заговорила» наша сторона. Вдобавок в небе появились самолеты. Немецкие и финские части вынуждены были отступить вглубь своей обороны. Из той полусотни наших солдат в живых оказалось 9 человек, из которых пятеро вскоре скончались от ран. В этой операции участвовало более сорока человек — магнитогорцев с Центрального поселка, хорошо знавших друг друга. Среди них Николай Судаков, Дмитрий Резеткин, Александр Лященко, Сергей Михайлов и другие. За эту схватку Петр Конищев был награжден медалью «За отвагу».

В этих же боях случился каверзный для фашистов случай. Был сбит их самолет, на котором летел командующий авиацией на этом участке фронта. Подбитый самолет приземлился на участке хоззвода. Генерал пытался бежать, но был задержан сибиряком Горловым.

22 июля 1944 года минометный дивизион 272-й стрелковой дивизии получил задание во что бы то ни стало форсировать реку Свирь в районе Лодейного Поля. Враг, предугадывая наш маневр, беспрестанно обстреливал этот водный рубеж. В полдень, поднеся лодку к воде, весь минометный расчет из 7 человек начал переправу. Лодки были заготовлены заранее. Благо, кругом леса. Интересная получилась картина — на лодках переправлялась целая дивизия! Вскоре наши части успешно закрепились на вражеском берегу. За эту операцию бойцы и офицеры были награждены орденами и медалями. На груди у Николая Судакова засиял орден «Красной Звезды», а у Петра — вторая медаль «За отвагу».

Благодаря массовой атаке наших частей при поддержке авиации, вражеские части успешно отступили до самой прежней границы, хотя и не прекращали вести огонь.

С 22 июня по 2 августа в упорных боях наши войска тоже потеряли много убитыми и особенно ранеными. В последнем рывке 4 августа в атаку шли несколько десятков человек... Более трехсот километров прошли с боями. Враг уже почти не огрызнулся, чувствуя конец войны и бессмысленность сопротивления. Мир с Финляндией был заключен. Армия была отозвана для формирования на станцию «Беково».

В декабре 1944 года после пополнения части были переброшены в Польшу на реку Вислу. А в начале марта 1945 года удачно форсировали реку и потеснили фашистов к Балтийскому морю. Невольно чувствовалось, что враг выдыхался. В одном из населенных пунктов был захвачен штаб командующего Козлейским округом. Натиск наших войск был настолько неожиданным, что немцы даже не успели эвакуировать свой штаб. Вместе с генералом и его штабом было захвачено более 500 солдат и офицеров. За эти бои Петр Конищев был награжден орденом «Красной Звезды». И еще один факт, говоривший о том, что немцы смирились со своим поражением: из числа пленных нашлось 17 человек, чтобы сопровождать своих же солдат во главе только с одним нашим русским бойцом. Было ясно, что война проиграна. Только кое-где отдельные группировки пытались оказывать сопротивление. Под стенами одного из

небольших городков Петр Иванович был тяжело ранен. Это случилось 7 марта 1945 года. Пришел в сознание почти через месяц в госпитале в небольшом городке Румельсбурге. Тяжелое ранение в голову, ногу и крестец с частичным повреждением спинного мозга. В медицине это означало — полный инвалид до конца жизни. Демобилизовался в родную Магнитку инвалидом первой группы. Сначала передвигался за счет рук, ноги бездействовали. Каждый день, преодолевая боль, он тренировал себя в поте лица — мечта самостоятельно ходить не оставляла его. Постепенно стал передвигаться на костылях, потом с помощью палочек...

Кропотливые и настойчивые тренировки наконец-то дали результаты: впервые он пошел без палочек в 1957 году.

При согласии супруги Лидии Яковлевны, которая работала преподавателем, Петр поступил в педагогический институт и закончил физико-математический факультет. Тогда же — четырехгодичный факультет марксизма-ленинизма.

Так, благодаря солдатскому мужеству, он стал педагогом. Сначала преподавал в школе №49, а, переехав в новое место жительства — в школе №39. Более четверти века отдал он новому любимому делу. К сожалению, труд учителя сегодня не ценится. Работников народного образования забыли, редко где создают нормальные условия работы. Ну что ж, как аукнется — так и откликнется...

В послевоенные тяжелые годы Петр Иванович с супругой вырастили и воспитали троих своих детей и еще троих, оставшихся сиротами: детей сестры Марии, умершей в 1944 году и зятя Захара Мальцева, погибшего в бою под Харьковом. Сын Борис сейчас работает на комбинате, сын Сергей живет в Москве — полковник МВД. Дочь Ольга — заместитель директора лицея, закончила с отличием Челябинский университет, затем Московскую аспирантуру, после которой преподавала в МГМИ — пошла по стопам родителей...

Следующая встреча с другом детства была при печальных обстоятельствах — 17 октября на похоронах нашего общего знакомого Бориса Федоровича Капустина. Учились мы все вместе в школе №18 на Центральном поселке. А вот воевали в разных местах. Борис Федорович был участником итальянского движения Сопротивления. Попал в плен зимой 1942 года под Ленинградом. Четверо обесиленных без единого патрона бойцов были захвачены немцами. Концлагеря Польши и Франции. Затем — Италия, побег из плена. Он попал в отряд «Ченчо», который действовал в долине реки Скривия. Шесть боевых итальянских медалей и высшая награда партизан «Гарибальдийская звезда» украсили грудь партизана из Магнитки. Почти четверть века Борис Федорович Капустин преподавал физику и электротехнику в индустриально-педагогическом техникуме. Несколько раз по приглашению ездил в Италию и встречался с товарищами по оружию.

Теперь нашего боевого товарища не стало. Провожать его в последний путь пришли бывшие наши учителя — любимец всей школы наш учитель Николай Владимирович Чекмазов, одноклассники и ученики.

Редуют ряды ветеранов-фронтовиков. Но память о них мы храним в наших сердцах...

**И. ДАВИДОВ,
ветеран войны и труда.**

На одной из тысяч военных дорог

Продолжение. Начало в №№199,
202-203, 207-208.

Привлеченные к этому делу пленные работали еще хуже — самым настоящим образом саботировали. Из-за выпавшего за день снега видимость была хорошей. Не лучше дела шли и в других подразделениях. Но мало-помалу сон постепенно рассеивался, работа несколько оживилась. Но эффекта было мало. Один за другим брались за лом и кирку офицеры. К полуночи облака поредели и начали рассеиваться. В разрывах туч показались одиночные светлячки звезд. Из-за горизонта, словно разрезанная головка сыра, показалась луна. День обещал быть погожим. Наш командир взвода был того нрава человек. У него не было привычки поторавливать людей за работой. В то же время, имея слабый характер и заурядную силу воли, он не умел таить в себе все переживания и тревоги. То и дело поглядывая на звезды, все быстрее и проворнее бил ломом мерзлую землю. Его тревога незамедлительно передавалась и нам. Работа резко ускорилась. От очередного удара кувалдой по концу лома тот резко углубился в грунт. Пильченко — второй номер расчета — опустил кувалду к ногам и закричал: «Ура-а-а!»

— Что ты орешь? — оборвал его наводчик Агейченко. — Чему обрадовалась твоя пустая голова?

— Як, це ж диру проковиряля, — недоумевал Пильченко.

— Диру, диру... И правда, в твоем котелке действительно одна мякина да стружки. Чего она тебе, дыра-то?

Пильченко виновато стоял с опущенными руками и растерянно смотрел то на лом, наполовину вбитый в землю, то на Агейченко, продолжавшего сердито ворчать.

— Вот если к утру ты не превратишь эту дыру в более-менее надежное укрытие, тогда немцы на-

верняка проковыряют в твоем котелке ее. Ну что ты стоишь, как у тещи в гостях? Бей! Не блинов ли ждешь?

Пильченко нехотя поднял кувалду и начал бить по концу лома.

— А блины будут утром, — добавил Агейченко.

На ладонях рук появились водяные пузыри, затем они слились в единую лепешку и начали прорываться. Небо прояснилось. Было видно, как всюду работали напряженно, молча, только изредка были слышны отрывистые команды да частые удары о мерзлую землю. У многих ладони были разбиты в кровь, но работа ни на минуту не прекращалась. Некоторые пытались использовать индивидуальные пакеты для перевязки, но вскоре на это последовал строгий запрет. Пленные, хотя и под угрозой автоматов несколько ускорили темп, работали все же лениво и помногу стояли. Это задевало наших бойцов за живое, и некоторые решительно предлагали расстрелять саботажников. Саботировали в основном офицеры. Особенно явно это было видно на огневой позиции у артиллеристов. Ускорению работ не помогали ни уговоры, ни угрозы. Пленные были предупреждены, что если они не улучшат работу, к ним будут применены решительные меры. Но и это не подействовало. Хуже того, некоторые из пленных даже позволяли себе огрызаться. Охранял их только что набивший кровяные мозоли заряжающий. Он заметил одного немца, который совершенно ничего не делал. Постоянно садился отдыхать, а встав, заходил в топку собирать, толкался среди них и снова садился. Заряжающий, не стерпев такого нахального отлынивания, подошел к нему сзади и ткнул его стволом карабина. Немец сначала от испуга вскопился, немного постоял в раздумьи, а затем резко схватил лом и замаяхнулся на заряжающего. Тому ничего не оставалось делать, как всадить в него пулю.

Выстрел, произведенный в расположении артиллерийских расчетов, на время приостановил работу не только на позициях артдивизиона, но и в расположении других подразделений. После выстрела послышался бурный разговор немцев. У нас на позиции пленные тоже энергично задвигались, между собой о чем-то оживленно заговорили. Командир взвода попытался что-либо узнать от возбужденных пленников, но они как будто и не слышали вопросов Устинова, продолжали что-то активно обсуждать. Вскоре работа возобновилась, и пленные стали работать лучше.

Одиночный выстрел услышали и командир колонны с комиссаром. Отправившись в расположение артиллеристов для выяснения случившегося. По пути зашли на позиции минометчиков. Увидев, что не очень-то много сделано, подполковник напомнил, что к утру огневая должна быть готова.

— Что правда, то правда, товарищ гвардии подполковник, — ответил за всех Агейченко. — Но земля очень уж твердая — настоящий бетон. В жизни не приходилось такую землю долбить. Вот если бы костер развести — другое дело.

— Костров разводить ни в коем случае нельзя. Немцы немедленно нас засекут и на рассвете раздают. Вы, я вижу, бывалый человек, — обратился подполковник к Агейченко.

— Вообще-то пришлось побывать в разных краях.

— А не подскажете ли нам, как ускорить земляные работы кроме разведения костров?

— Есть другие способы. Но они все нам не подходят. Оно бы и вручную можно к утру успеть, да плохо работает вон та интеллигенция, — и Агейченко указал на группу пленных.

— В чем дело, лейтенант? — обратился подполковник к Устинову.

— Не хотят работать. Сил, говорят, нет.

— Сил нет? И подполковник обратился к майору Прохорову. — Семен Павлович, поговорите с ними. Это по вашей части.

— Ну вот что, — обращаясь к минометчикам, продолжал подполковник. — Надо полагать, комиссар убедит их в необходимости лучше работать. Но это не все. Самое главное начнется утром. Немцы, по-видимому, будут нас штурмовать одновременно танками со стороны Радома, а из города — пехотой. Вот тут-то и надо показать себя.

— Понимаем, только мин маловато, около полсотни штук на ствол, — ответил Агейченко.

— Конечно, если вы их будете разбрасывать по пустому месту — действительно маловато. Нужно бить прицельно и обеспечить вывод из строя хотя бы по одному человеку на мину. Тогда можно будет считать, что с задачей вы справитесь отлично. А оставшееся смогут довершить люди капитана Софрова. И если у вас все это получится, то можете смело вертеть еще по дырочке на гимнастерках. Ваша задача, можно сказать, менее ответственная. Вот артиллеристам и танкистам придется потрудней. Им предстоит более тяжкая работа, почти что ювелирная — четыре снаряда на танк противника и ни одного на добавку. Хотя они заверили меня, что и на этой мизерной норме попытаются экономить. На «тиграх» вряд ли это получится, но на «пантерах» — вполне возможно.

— А что, товарищ подполковник, с «тиграми» придется драться? — спросил заряжающий Белов.

— К сожалению, да. Притом, их солидная ста...

После ухода подполковника с комиссаром работа закипела еще сильнее. Какое такое магическое слово сказал комиссар пленным, но они стали оканчиваться так рьяно, что по объему работы вскоре догнали и нас.

Продолжение следует.